

Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблем²ы

События, связанные с признанием независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии, актуализировали вопрос о политике в отношении этнических меньшинств, организации и основаниях легитимности власти в молодых полиэтнических государствах. Поскольку почти все государства при своем формировании вынуждены осуществлять гомогенизацию населения через механизмы включения/исключения меньшинств, опыт «старой Европы» получил теоретическую концептуализацию в работах многих политологов, посвященных исследованию как параметров «национализаторской» политики и ее последствий для этнических меньшинств, так и зависимости процесса государство- и нациестроительства от размежевания центр-периферия и вариантов установления политического контроля центра. Используя эти подходы, авторы предлагают модели анализа причин, форм и следствий политизации этничности и оценки условий развития этнополитической стабильности/нестабильности, включая сецессии, на постсоветском пространстве.

Достаточно широкое международное признание независимости южной сербской провинции Косово, равно как и признание независимости Абхазии и Южной Осетии Росси³ей показало, что последняя европейская волна национального самоопределения, поднявшаяся после распада СССР, не исчерпала своей приливной силы. Вновь в центре внимания политиков и политологов оказался вопрос об организации и основаниях легитимности власти в полиэтнических государствах: если она исходит от народа (а не от Бога, династического правителя или авангардной партии), то каков объем прав меньшинств как части этого народа? Нормативный принцип народного суверенитета кажется бесспорным, пока мы не задумываемся над тем, что в каждом конкретном случае народ есть уникальное сообщество с точки зрения комбинации гражданских, политических, религиозных, расовых, языковых, этнических и других идентичностей и что «общая воля», о которой писал Ж.-Ж. Руссо, неизбежно предполагает подчинение меньшинства большинству.

Чтобы «обойти» разнообразие идентичностей, в XIX веке в политический обиход стало внедряться понятие «суверенитета нации», которое «однозначно подразумевало идею единства более высокого, чем сумма индив⁴идов». Не вступая в дискуссию

1. **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Мелешкина Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

2. Статья написана при поддержке РГНФ, проект «Политика этно-политической гомогенизации в посткоммунистических странах как фактор формирования нации и государства, грант № 08-03-00405а.

3. На октябрь 2008 г. независимость Косово признали 48 государств-членов ООН, Абхазии и Южной Осетии – два. – Прим. авт.

4. Мусихин Г.И. Суверенитет, монархия и революция: история становления и взаимоотношения понятий // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.). – М.: МГИМО, 2008. – С.46.

относительно содержания понятия нации (В. Малахов справедливо указывает на невозможность конвенции по этому¹у вопросу), хотим оговорить, что в данной работе мы в целом следуем подхо²ду Э. Геллнера, который отмечал: «...Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объе³диняющего их членства». Таким образом, национальная общность имеет гражданско-территориальный, надэтнический и надконфессиональный (т.е. мультикультурный) характер.

С тех пор, как источник власти был перенесен в народ, установление общих связей между членами политического сообщества и его элитой, с одной стороны, и размежевание политических сообществ – с другой, стали императивом. Проблема (и источник многих будущих конфликтов) в том, что этнические характеристики как символические узы родства и близости оказались удобным средством национального строительства. Согласно Э. Смиту (который, кстати, не проводит четкого различия между этническим и национальным, что еще раз свидетельствует о политической и теоретической неоднозначности вопроса), этническая группа – это «самоустанов⁴ленная» общность, которая отличается коллективными именем и исторической памятью, мифом об общих предках, связью с определенной родиной и чувством солидарности между значительным⁵и секторами населения. В таком контексте этнос как бы должен дорасти до нации, что предполагает возникновение *политической этничности* (не путать с этническими характеристиками!), т.е. политизации общего происхождения, языка, истории и др. Это косвенно закрепляют и статьи международных документов, предусматривающие право народов, существ более этнических, нежели политических, на самоопределение и свободное установление своего политического статуса.

История знает немного примеров моноэтнических наций. В современной Европе (и то с оговорками) к ним можно отнести Армению, Данию, Исландию, Норвегию, Польшу, Португалию⁶, Венгрию. В случае же выраженного этнического разнообразия, предполагающего наличие значительных меньшинств, возникает немало противоречий, которые неизбежно обостряются при борьбе за независимость и определение содержания национального проекта.

Английский политолог Дж. Прис формулирует некоторые из этих спорных вопросов: какой подход – правовой или социологический должен иметь место при идентификации народа? Как и на какой основе формируется правящая элита? Можно ли утвердить политическое сообщество «в разнообразии»? Какие права следует (если следует) предоставить меньшинствам? Достаточны ли равные гражданские права для гарантии индивидуальной свободы и политического участия? Надо ли заботиться о сохранении и продвижении «чужих» идентичностей? Одним словом, как реагировать на

1. См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005. – С.18-23.

2. Другие известные специалисты по проблематике наций и национализма - Э. Хобсбаум, Б. Андерсон – также определяют нацию в терминах экономического прогресса, общего языка (или культуры как системы идей, знаков, ассоциаций и способов поведения) и взаимного признания индивидами принадлежности к ней.

3. Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии. – М., 1989. - № 7. – С.124.

4. По мнению Э. Гидденса, этносы могут конструироваться, как и нации. – Примеч.авт.

5. Smith A.D. National identity. – L.: Penguin, 1991. – P.20-21.

6. См. сайт Международной группы по правам меньшинств: <http://www.minorityrights.org>

«парадокс этничности», являющийся следствием существующей системы наций-государств¹?

Построение государственной (национальной) идентичности, включающей в себя элементы культуры меньшинств, часто оказывается неприемлемым в нелегких политических ситуациях, которые следуют за независимостью. Свобода и чувство принадлежности к сообществу – конкурирующие ценности: свобода предполагает автономию действия, принадлежность требует координации и в некоторых случаях субординации. После 1918 г., когда произошел второй «взрыв» создания на²ций-государств, обмены населением, высылка или маргинализация меньшинств стали привычной политической практикой. Как точно подмечает Прис, признанного определения меньшинств нет потому, что они – политические аутсайдеры, проблема которых обнаруживается при попытке определить, кто принадлежит к нации, а кто н³ет.

Так, проблема господства/подчинения явственно проглядывает в определении венгерского политолога и члена Европейского парламента Г. Шофлина: «Национальные меньшинства – коллективные сообщества, которые существуют в условиях доминирования духовных и культурных программ других, бóльших групп, будучи включенными в национально-государственные образования, где их относительный⁴ вес мал». Хотя речь у Шофлина идет о культурном доминировании, очевидно, что в молодых государствах этническое измерение может быть постепенно выведено из области политического в область культурно-исторического наследия только с течением времени и благодаря направленной политике государства, устойчивому внутреннему развитию и благоприятным внешним факторам.

При переходе из социалистической по содержанию империи в гражданскую (т.е. буржуазную) нацию национальное строительство через обретение *предполагаемого родства* явно реалистичней пути *предполагаемого гражданского согласия*. В своей широко известной работе «Переходы к демократии» Д. Растоу, говоря о национальном единстве как решающей предпосылке демократизации и политико-экономических изменений в целом, определяет его так: «...Широкое большинство граждан в будущем демократическом государстве не должно иметь сомнений или мысленных оговорок насчет того, к какому политическому сообществу они принадлежат. .. Демократия – система правления временного большинства. Чтобы правители и политические курсы могли свободно меняться, границы должны обеспечивать постоянный состав граждан (т.е. «скреплять» единств⁵о. – Примеч. авт.)). В 1991 г. национального единства в трактовке Растоу на постсоветском пространстве не было и не могло быть. Обретение же согласия/

-
1. Preece J.J. Minority rights: Between diversity and community. – Cambridge: Polity press, 2005. – P.3.
 2. Американский политолог Ф. Рёдер обоснованно выделяет четыре «взрыва» нациестроительства, которые последовали за американской Декларацией независимости и французской Декларацией прав человека и гражданина, открывших эру национализма и «сознательного строительства» наций-государств: это период с Венского конгресса до Берлинского, первая четверть XX века, тридцатилетие после II Мировой войны и десятилетие после окончания холодной войны (точнее было бы - краха биполярной системы. – Примеч.авт.). - См.: Roeder Ph.G. Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism.- Princeton: Princeton univ. press, 2007. – P.5-6.
 3. Preece J.J. Op.cit. – P.9.
 4. Schöpflin G. Post-communism: Constructing new democracies in Central Europe // International Affairs. – Oxford, 1991. - Vol. 67, N 2. – P.58.
 5. Rustow D. Transitions to democracy: Towards a dynamic model // Comparative Politics. – N.Y., 1970. - Vol. 2, N 3. - April. - P.350-351.

родства на основе этнокультурных характеристик господствующей группы при наличии этнических меньшинств и особенно трудностях социально-экономического порядка должно вызывать политизацию всех этничностей и формирование конфликтных групп. В этом, собственно, и состоит вышеупомянутый «парадокс этничности».

Опыт постсоветского развития, каким бы разным он ни был, подтвердил тенденцию к мобилизации этничности как основы национального государства. Во многих случаях получила распространение политика гомогенизации мультикультурного и мультиэтнического сообщества, которая была названа «национализаторской» (Х. Линц и А.¹ Штепан) или «патологическ²ой» (Г. Рэй), а проводящее подобную политику государство – «национализирующ³им» (Р. Брубекер). Собственно, советский режим также тяготел скорее к этнической гомогенизации (в перспективе – «слиянию наций»), чем к этническому плюрализму, но его политика была направлена как против «местного национализма», так и «великорусского шовинизма». Вспомним слова В.И. Ленина: «Безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократы, как партия пролетариата, ставят своей положительной и главной задачей содействие не самоопределению народов и наций, а проле⁴тариата в каждой национальности». Усилия государства по реконфигурации этнических отношений (произвольное изменение административных границ, депортация и переселение народов, ущемление социальной мобильности ряда этносов, «языковая денационализация» и т.п., как и само иерархичное четырехчленное (союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ) устройство СССР можно назвать грубой социальной инженерией, которая создала основу для проявления в 80-90-е гг. этнического недовольства и стремления к радикальному разрешению проблем.

Как отмечалось, национализаторская политика – универсальное явление, присущее формирующимся нациям и государствам. Конечно, повсюду, в том числе и на постсоветском пространстве, ее формы приобретают выраженную страновую специфику, обусловленную историческим прошлым, геополитическим положением и рядом других факторов. Способы такой политики могут быть разными: закрепление одного государственного языка, фальсификация истории, переписывание учебников, введение новых национальных символов, праздников и героев, запрет иноязычного вещания, прямые репрессии и др. Одним из действенных механизмов консолидации является создание «анклавов» этнических меньшинств, в большей или меньшей мере исключаемых

1. Данная политика характеризуется исследователями следующим образом:

- ограничение негосударственного языка в гражданском обществе, образовании и СМИ;
- эксклюзивное законодательство о гражданстве, приводящее к преобладанию титульной нации в выборных органах власти;
- фактическое ограничение доступа к государственной службе национальных меньшинств в связи с распространением одного официального языка;
- особые права государствообразующего этноса в перераспределении земли и иной собственности;
- законодательно закрепленное привилегированное положение всех обычаев, практик и институтов «нации-государства». – См.: Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. – Baltimore, L.: The John Hopkins univ. press, 1996. – P. 35.

Для обозначения различий между двумя стратегиями (доминирования или консенсуса) при формировании нации и государства А.Степан предлагает использовать различные термины: «нация-государство» и «государство-нация». – См.: Stepan A. Comparative theory and political practice: do we need a “state-nation” model as well as a “nation-state” model? // Government and opposition. – L., 2008. – Vol. 43, N.1. –P.1-25.

2. Rae H. State identities and the homogenization of people. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002.

из политического сообщества страны. В частности в Латвии и Эстонии подобная политика осуществляется путем лишения гражданства значительной части русскоязычного населения, в Молдавии – с помощью консервации сложившейся ситуации с Приднестровьем и создания институтов, ограничивающих влияние этнических и региональных меньшинств на политическую жизнь страны.

Не стоит, однако забывать, что эта политика была характерна и для стран ныне развитой демократии, которые в настоящее время воспринимаются преимущественно как гражданские государства. На это обстоятельство указывали многие ученые. В частности Ч. Тилли отмечал, что «практически все европейские правительства, в конечном счете, предпринимали шаги по гомогенизации своего на¹селения» для установления контроля. Война и принуждение были ведущими силами формирования и раннего развития государств, но по мере того, как государства стабилизировались и росли, они становились менее принуждающими: институты развивались и способствовали заключению гра²жданских сделок. Такая политика облегчала задачу формирования государственного суверенитета и государственной идентичности, поскольку сужала круг потенциальных участников дискуссии о верховенстве власти, ослабляла шансы соперников центра на легитимное оспаривание его прав, упрощала разработку критериев членства в политическом сообщес³тве.

Конечно, формирование наций и государств и используемые при этом механизмы – не единообразный процесс. Например, в Западной Европе широко применялись меры по ограничению корпуса граждан на основе социально-статусных различий. Подобные возможности в независимых республиках бывшего СССР существенно ограничены. Формирование наций и государств в них происходит в условиях массовой политики, и при решении задач политической мобилизации необходимо принимать во внимание существующие международные стандарты в области прав человека и гражданина.

Универсальную исследовательскую логику, позволяющую анализировать процесс государство- и нациестроительства (включая этноконфессиональные политики) как в Западной Европе, так и в других регионах мира, предложили С. Роккан и его коллеги.

-
3. Р. Брубекер указывает на отличия «национализирующего» государства от гражданского, где этничность не является фактором государственной политики, а государство и гражданство определяется в терминах либеральной демократии и гражданских прав. Первому, по его мнению, присущи три особенности:
1. Оно является преимущественно «этнически гетерогенным, воспринимаемым как нация-государство, чья доминирующая элита продвигает язык, культуру, демографические, экономические и политические позиции номинально государство образующей нации»;
 2. Организованные и обладающие самосознанием национальные меньшинства выступают за автономию и сопротивляются ассимиляции;
 3. Внешние «родины» национальных меньшинств стремятся защитить их от ассимиляции, руководствуясь желанием распространить формальный статус нации поверх политических границ. - Brubaker R. National minorities, nationalizing states, and external homelands in the New Europe// *Daedalus* - 1995 – N 124 (2). – N 107-132.
4. Ленин В.И. О национальном и национально-колониальном вопросе // ПСС. – М., 1958. – Т.36. – С. 554.
1. Tilly Ch. Reflection on the history of European state-making// *Formation of national states in Western Europe*. – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 43.
 2. См.: Ch. Tilly. *Coercion, capital and European states, AD 990-1990*. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – P.25-26, 69-70.
 3. Политика гомогенизации населения, проводимая в Испании и Франции, подробно проанализирована в: Rae H. *Op. cit.* – Ch.2, 3.

Размежевание центр-периферия, основанное на этнических, языковых и региональных противоречиях, и соответствующие действия центра по утверждению единых культурных и языковых стандартов сыграли важную роль в становлении наций и государств во многих странах Европы. Итальянский политолог С. Бартолини указывает, что процесс формирования любой территориальной политики можно рассматривать в терминах консолидации центра, границ, определения критериев членства и политического² структурирования. Подобная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации в любой стране мира как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры политики и социокультурных механизмов объединения сообщества.

В основе моделей, созданных в рамках роккановской традиции, лежит анализ взаимоотношений между центром, контролирующим коммуникативные потоки в системе (или претендующим на это) и представленным группой «строителей нации», и периферией – теми, кто стоит к ней в оппозиции. Использование этого подхода представляется плодотворным в отношении анализа процессов политической организации меньшинств в постсоветских государствах и выяснения их специфики.

Для объяснения процесса государственного строительства Роккан и его единомышленники обратились к концепции известного экономиста А. Хиршмана, определяющей стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях: «лояльность» (правилам), «голос» (стремление опротестовать и изменить правила) и «выход» (невыполнение невыгодного правила). Хиршман рассматривает «выход» и «голос» как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти лю³ди находятся. Он также интерпретирует «недостаточную государственность» (statelessness) как «атрофию голоса» («atrophy of voice»), возникающую в результате присутствия возможностей для «выхода». То есть она определяется как отсутствие институциональных каналов «голоса», которые не развиваются по причине возможностей «выхода» для членов сообщества.

В качестве макросистемных «двойников» «голоса», «лояльности» и «выхода» Рокканом и его коллегами использовались понятия «границ», «строительства системы» и «политического структурирования». Применение концепции Хиршмана позволило им объяснить роль взаимодействия между центром и перифериями и между различными центрами в процессе формирования территориальных государств и наций, а также выявить модели этого явления, разнообразие которых нашло свое систематическое отражение в концептуальной карте Европы. Согласно карте строительство центра формирующегося государства и его нового порядка обусловлено эффектом существующих границ и предоставляемых ими возможностей «выхода», а внутреннее институциональное строительство и консолидация сообщества связаны со стратегией возведения границ и возможностями «выхода», создаваемыми успешностью этой стратегии и международным

1. См.: Rokkan S. Cities, states and nations. A dimensional model for the study of contrasts in development// Building states and nations. Models and data resources. – Beverly Hills: Sage, 1973; The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus Verl., 1987, etc.

2. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – Oxford, Oxford University Press, 2005

3. Hirschman A.O. Exit, voice, and loyalty: Response to decline in firms, organizations, and states. - Cambridge: Harvard univ. press, 1970.

порядком. Различные варианты «выхода» были характерны для разных периодов формирования государства. Например, для ранних этапов была характерна сецессия: многие территориальные государства на стадии формирования сталкивались с угрозой распад¹а.

Соотношение возможностей «выхода» или «голоса» связано с формированием границ государства. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных (то есть обязательных для потребления) ресурсов, «закрытых» на определенной территории. В ситуации «закрытости» возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов на укрывание ресурсов, которыми они временно обладают, или реализацию «голоса». Контроль над «выходом» и «входом» посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Обычно с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетентия, достигаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагает строительство границ и контроль над «выходом».

Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс возрастания политического производства, механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политики, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической иерар²хии. Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции и наоборот.

Представители роккановской традиции также выявили зависимость внутреннего структурирования политики и соответственно формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только территориальный, но и социокультурный (членский) аспекты этого п³роцесса. Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу и возможность «выхода» за его пределы определяется контролем центра не только над территориальными, но и социокультурными границами, определяемыми социокультурными нормами и правилами членства. Это означало, что «выход» может быть поделен на два типа: территориальный (сецессия и проч.) и функциональный или членский (эмиграция, отказ от уплаты налогов, сл⁴ужбы в армии и проч.). Так, по мнению итальянского компаративиста Д. Карамани, «функциональный «выход» (эмиграция) замещает территориальный «выход» (сецессию), когда контроль над территорией и границами, как и степень национальной интеграции возрастают до такой степени, что географический сепаратизм становится немислим⁵ым».

1. Finer S. State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan-Hirschman model// Social science information. – 1974. – Vol. 13. – P. 79-126.

2. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. - P. 29.

3. См., например, Rokkan S. The center-periphery polarity// Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M.: Campus, 1987.

4. Finer S. State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan-Hirschman model// Social science information. – 1974. – Vol. 13. – P. 82.

5. Caramani D. The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2004. – P. 25.

Степень контроля над границами во многом определяет и возможности развития не только национального государства, но и демократических институтов, являющихся результатом исторического компромисса политических акторов и баланса их контроля над ресурсами (об этом говорил и Растоу). Так, Бартолини выделяет две идеалтипические ситуации, показывающие возможные последствия полного совпадения и «закрытия» границ или отсутствия такового. Полное «закрытие» границ влечет за собой усиление контроля центра над различными перифериями и акторами. Такая ситуация требует значительной концентрации ресурсов в руках центра или одного политического актора, неизбежно влечет за собой создание неравных условий для политических субъектов и благоприятствует доминированию одного из них. Значительное несовпадение и неопределенность границ усиливает возможности «выхода», снижает стимулы к структурированию каналов «голоса», ограничивает сферу политического производства центра и делает государство зависимым от отдельных групп интересов (например, крупных экономических игроков – выгодных налогоплательщиков¹).

Исследуя опыт формирования государств в Западной Европе, Роккан обнаружил, что степень контроля и совпадения границ во многом определялась концентрацией, совпадением или конкуренцией центров различных типов: административных/военных, экономических и культурных. При высокой концентрации центров на относительно небольшой территории, «пространственной сегментацией различных типов владельцев ресурсов, цепочки отдельных центров, в каждой из которых существует особая элита», возрастали возможности «выхода» и усложнялся процесс формирования государства. Подобная ситуация наблюдалась в трансграничных перифериях «внешних» династических центров, конкурирующих за влияние на эти территории. Такие периферии сложно было интегрировать в рамках единого государства. Проблема многократно обострялась в тех случаях, когда различные региональные интересы в них дополнялись культурными, этническими или конфессиональными противоречиями. Эти противоречия подкрепляли и усиливали друг друга, создавая основу для альтернативной центру политической идентичности. В этом случае нации- и государствообразование шло по поликефальному типу, которому было свойственно преобладание консенсусных практик над практиками доминирования, в том числе и в отношении этнических меньшинств. Подобная полицентрическая модель преобладала в Западной Европе на территории высокоразвитого в культурном, экономическом и организационном отношении «пояса городов», от Адриатики до Северного моря. На этой территории в меньшей степени, чем в европейских фрагментированных государствах типа Испании, была выражена поляризация между экономическими и административными центрами. Одно из важных отличий пояса городов заключалось в том, что «взаимодействие между различными автономными территориями регулировалось одними и теми же нормативными принципами, которые были воплощены в древней традиции римского права³».

Монокефальный тип возникал там, где наблюдалось сосредоточение различных центров на небольшой территории, «все элиты и держатели ресурсов на которой склонны концентрироваться недалеко друг от друга и соответственно совместно использовать

1. Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – Oxford: Oxford University Press, 2005

2. Rokkan S. The center-periphery polarity... - P. 21.

3. Rokkan S. Cities, states and nations... - P.85.

различные возможнос¹ти». Этот тип отличался доминированием в процессе строительства государства одного из политических факторов и был свойственен европейским династическим центрам.

Многие постсоветские страны представляют собой бывшие трансграничные периферии имперских образований: Российской империи-СССР, Османской империи, Ирана, Австро-Венгрии. В этом смысле территории Молдовы, Украины, Белоруссии, стран Балтии и некоторых других новых независимых государств похожи на европейский пояс городов. Однако между ними и этим поясом существуют значительные отличия, сформировавшиеся на основе геополитических особенностей, специфики политических традиций и комплекса стоящих задач.

В силу особенностей так называемого «имперского транзита²» постсоветские страны не могли создавать национальное государство на базе множества независимых мелких политических образований и идентичностей, как это происходило, например, в Швейцарии. В большинстве случаев они решают эту задачу на основе унаследованных из прошлого сегментов-государств, многие из которых были сформированы в рамках современных границ в советский период (наиболее показательный пример в этом отношении – создание республик Средней Азии, границы которых были нарезаны хотя и произвольно, но в отличие от африканского континента с учетом распространения языков, экономической жизнеспособности регионов, клановой принадле³жности и т.п.) Сам термин «сегменты-государства» пре⁴дложен Ф. Рёдером и означает формально входящие в состав общего государства территориальные единицы разного масштаба, обладающие работающими системами институционального управления и возможностями создавать доминирующую политическую идентичность.

По мнению Рёдера, лидеры советских союзных республик могли осуществить этнонациональный проект в условиях, когда большинство населения отдавало предпочтение идентичности своего сегмента-государства над идентичностью общего государства, как в Гр⁵узии. В этом случае гегемония этнической политической идентичности позволяет успешно подавлять возможные альтернативные проекты, например, сохранения общего государства - СССР (это подтверждают случаи Абхазии и Южной Осетии, также создавших сегменты-государства при превращении Грузии в «мини-империю» при З. Гамсахурдиа). Сегмент-государство, таким образом, позволяет концентрировать мощные организационные ресурсы для пропаганды «воображаемого сообщества» и превращения оппонентов во «врагов нации».

Однако необходимо учитывать, что при традиционном характере общества строительство национального государства на базе сегмента требует авторитарной власти, которая в этом случае позволяет обеспечить не национальное единство, но целостность страны. Это характерно для молодых центрально-азиатских государств, где институциональные сегменты по-прежнему имеют клановый, а в Казахстане, Киргизии и Туркмении – еще и племенной⁶ характер. Сильные кланово-племенные структуры

1. Rokkan S. The center-periphery polarity... - P. 21.

2. Skak M. – From empire to anarchy: Post-communist foreign policy and international relations. – L.: Hurst, 1996. - P. 18, 21

3. См. Slezkina Y. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic Review, 1994. – N2 (53). – P.414-452.; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007 и др.

4. См.: Roeder Ph.G. Op. cit.

5. Ibid. – P. 82-83.

сдерживают формирование этнонационального самосознания и одновременно подавляют этнические меньшинства (доля титульных этносов в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении – 80-81 проц., Киргизии и Казахстане – 57-59 проц.)

Как отмечают С. Берглунд, Я. Экман и Ф. Ареброт, «в политическом отношении восточная часть Европы представляла собой переходную зону между западной традицией разделения власти и восточной традицией ее концент¹рации». Если упрощать ситуацию, сложившуюся на территории бывшего СССР в целом, то можно отметить следующую тенденцию: продвижение на юг и восток ослабляло традиции распределения власти и усиливало наследие, связанное с ее концентрацией. Для постсоветских стран в прошлом были характерны отсутствие или слабость феодальных отношений западноевропейского типа. Данные особенности способствовали более длительному выживанию традиционных властных отношений, таких как царствование или клиентелизм. Эта тенденция в более значительной степени проявлялась на ю²ге.

Состояние «приватизации» государства, особенно ярко проявившееся в южных республиках бывшего СССР в 90-х годах, образно характеризуют слова английского историка Д. Ливена: «Некоторые исследователи связывали политическую ситуацию в современной Северной Евразии с реалиями средневековой Европы. Король слаб, его бароны сильны. Они контролируют регионы. Нет никакой государственной бюрократии, способной защитить интересы общества. Но власть при дворе и победа во фракционной политике жизненно необходимы для процветания баронов, поскольку обеспечивают выгодное покровительство, монополии и государственные посты...³»

Противоречивость административно-территориальной и культурной политики Советского Союза во многом определила будущие проблемы формирования центра, границ и консолидации наций в постсоветских странах, а также репертуар способов их решения. С одной стороны, предпринимались попытки формирования единой гражданской нации (общности «советский народ») путем стандартизации правового, политического, социального и культурного пространства, имело место искусственное перемещение титульной группы на периферию с целью ее «подъема». С другой – в основе административно-территориальной организации лежал принцип деления на национально-государственные образования, в ряде которых осуществлялась политика «коренизации» и развивался институт «титульности». Советский этнофедерализм был институционально слаб и предопределил этнические размежевания. Территориальные и социокультурные эксперименты привели к несовпадению административно-политических, экономических, этнолингвистических, культурных и прочих границ и появлению «переходных» территорий, в которых подобное несовпадение, а значит и потенциальные возможности для «выхода» были особенно отчетливыми (Крым, Приднестровье, Нагорно-Карабахская автономная область и др.) Таким образом была заложена основа для сецессий, суть которых точно определил канадский исследователь Дж. Вуд: «Сецессия – пример

6. В послевоенный советский период государственно-партийный аппарат Узбекистана формировался на основе самаркандского (позднее ферганского и вновь самаркандского) клана, Таджикистана – ленинабадского (ходжентского), Киргизии – нарынского, Казахстана - Старшего (южного) жуза, Туркмении – племени текке. – Примеч. авт.

1. Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. The challenge of history in Central and Eastern Europe //The handbook of political change in Eastern Europe/ Ed. by Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. - Second edition. - Chaltenham: Edward Elgar, 2004. – P. 14.

2. Ibid. - P. 16.

3. Ливен Д. Указ. соч. – С.627.

политической дезинтеграции, когда политические акторы одной или нескольких подсистем переносят свои лояльности, ожидания и политическую деятельность от центра юрисдикции (центра политической власти) к создаваемому собственному центру¹».

Отнюдь не считая сецессии лучшим способом урегулирования конфликта, отметим, что, по мнению А. Павковича и П. Радана, они могут быть весьма выгодным способом разрешения этнополитических проблем, так как позволяют:

- ликвидировать недовольства и обиды сецессионистской группы;
- завершить политическую борьбу или вооруженный конфликт по поводу отделения;
- предоставить суверенные полномочия политическим лидерам сецессионистов;
- усилить политический контроль населения самопровозглашенных государств над «своим» правительством и его курсом;
- обеспечить ряд экономических выгод, например, рост занятости и доходов различных социальных страт в этих государствах².

В целом на постсоветском пространстве войны «за права народов» отличаются общим сценарием, который оформлен уникальными историческими структурами советской системы и запущен ее развалом.

Учет вышеназванных особенностей позволяет констатировать наличие значительных различий в моделях формирования нации и государства в районе «пояса городов» и на европейской части постсоветского пространства (что до зоны «концентрации власти», то там такое сравнение выглядит некорректным). Неконсолидированные границы и невысокая степень контроля над ними, характерные для периода, последовавшего за распадом СССР, не привели к ожидаемому качеству развития каналов «голоса», институтов и практик, обеспечивающих влияние на принятие решений и, соответственно, достижение консенсуса основных сил по наиболее важным «системоустанавливающим» вопросам. Напротив, сфера политического производства сузилась, а республиканские государственные институты в той или иной степени ослабли.

Попытка решения актуальных задач по консолидации центра и границ на территории новых независимых государств часто сопровождается воспроизводством имперских традиций доминирования одного или нескольких акторов, в новых условиях представляющих интересы центра. Национализаторская политика в этом смысле вполне соответствует интересам правящих элит, действующих во имя и от имени новой политической этничности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. John R. Wood. Secession: A comparative analytical framework // Canadian journal of political science. – Vol.14. – 1981. – P.111.

-
2. См.: Pavković A., Radan P. Creating new states: Theory and practice of secession. – Aldershot, Burlington: Ashgate, 2007.

Irina Kudryashova, Elena Meleshkina. Ethnic minorities and nation-building in the post-Soviet space: Constructing a theoretical framework.

Divisions over recognition of Kosovo, Abkhazia and South Ossetia's independence put in focus policies towards ethnic minorities, structuring and legitimization of power in newly-formed multi-ethnic states. In most cases state-building requires the homogenization of population, i.e. "nationalizing" policies of both exclusion and inclusion. The relevant European experience has been conceptualized by political scientists examining the key parameters of "nationalizing" policies used in respect of ethnic minorities as well as the influence of centre-periphery polarity and different ways of political control maintenance on the process of state- and nation-building. Applying these approaches to the post-Soviet realities the authors offer a theoretical framework for analyzing grounds, forms and consequences of the politicization of ethnicity and evaluation of possible stability/instability, including secessions, bringing a realistic perspective to bear on what is happening and what can be done.